

ЭГО МАНЬЯКА

РОМАН ВОЛКОВ

ЧЕРНЫЙ ПОТОК

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Волков, Роман Валериевич.

В67 Черный поток / Роман Волков. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Эго маньяка. Детектив-психоанализ).

ISBN 978-5-04-115361-8

Что вы знаете о маньяках? Только то, что рассказывают о них по телевизору и в соцсетях — извращенцы с больной психикой... А вот маньяки знают о вас все. Самое главное — они знают ваши слабые места и могут воспользоваться этим

Страшную картину застали оперативники на месте первого преступления. Пожилой ростовщик и его слабоумный внук — оба убиты рубящими ударами по голове. Кровь и беспорядок в квартире. Что искал убийца? Оперуполномоченный уголовного розыска Петр Зигунов пока не знает ответа на этот вопрос. Сейчас его больше интересует бумажный сверток, зажаты в руке убитого старика. Возможно, это послание, в котором кроется разгадка жестокого преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115361-8

© Волков Р.В., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Автор сердечно благодарит за консультации сотрудников полиции, Следственного комитета, Прокуратуры, специалистов судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертизы.

ГЛАВА 1

Город сегодня угрюм и одинок, как и я, шагающий по его грязным улицам, ныряющий в подворотни и вынырывающий из них.

Иду, закутавшись в куцее пальтишко, на голову надвинут капюшон, шваркаю ногами по лужам, руки в карманах, голова вжата в плечи.

Три часа дня, а на улице все черно-серое, никого нет на дорогах, только редкие машины фонтанируют из-под колес взрывами пены и ледяной воды.

Я чувствую, как промозглый порыв ветра заползает за воротник. Меня передергивает. Эта телесная слабость — я всегда мерзну, не могу отогреть руки, — бесит неимоверно. Озноб пробирает до самых костей, и я сжимаю кулаки, стискиваю челюсти. Нет уж! До финала еще далеко. Я спокоен и сосредоточен. У меня много дел. Пора начинать.

Привычным перебором я набираю нужные цифры кодового замка и открываю дверь. Код мне известен уже давно — узнать его не составило никакого труда. Было даже слегка обидно, что люди так небрежно

относятся к вещам, способным в определенный момент спасти им жизнь. Впрочем, у них всегда так.

Сегодня будний день. До этого в подъезде делали ремонт, но нынче тихо. Я аккуратно прикрываю за собой дверь и осматриваюсь. Так и есть — никого. Прислушиваюсь еще несколько долгих минут. Нет, все верно — никого нет. В тишине подъезда слышно только поскрипывание песка под подошвами моих ботинок да бубнеж телевизора из ближайшей квартиры.

Я неспешно поднимаюсь на третий этаж. Крайняя дверь налево. Я подходил к ней уже раз двадцать, когда составлял план и осматривал территорию. Любой нормальный герой готовится к ПОСТУПКУ тщательно и щепетильно. Предусмотрительность — одно из тех качеств, которые отличают гения от «материала». Это совсем не сложно, потому что у меня нет сомнений, нет душевных метаний, нет тех глупых эмоций, которые мешают принимать решения. Думаете, это я себя уговариваю? Посмотрим. Но мне это незачем. Я УЖЕ знаю ответ. И он дает мне право вычеркивать людей из книги или вписывать их туда. Да, я — герой. Но я еще и автор. И как автору мне дозволено все.

И не нужно думать, что я безумный псих, мнящий себя богом. Я прекрасно отдаю себе отчет, что не могу влиять на законы природы. Я и не пытаюсь это делать. Но законы человеческие... Это совсем другое. Их я могу создавать сам. Вы говорите: общество дик-

тует, уголовный кодекс и все такое? Ну вам, возможно, и диктует. Мне — нет. Законам, придуманным одними людьми для других, подчиняются те, кто ходит в стаде. Я же — пастух.

Чувствую бледную улыбку, которая трогает мои губы. Это улыбка облегчения. Я прекрасно помню, как долго мне пришлось идти к осознанию этого простого постулата. Долго и мучительно. Но я пришел. И вот я здесь, перед заветной дверью, за которой я получу окончательное подтверждение. И хотя сомнений у меня нет, для чистоты эксперимента все должно быть сделано правильно. По-честному.

Если уж я стал Героем, я должен им быть до конца.

Я нажимаю кнопку звонка и прислушиваюсь к звукам квартиры за дверью. Недовольный голос, шарканье старческих шагов. Щелкает замок, и разохшаяся старая дверь со скрипом приоткрывается. Звякает цепочка. Старый хрыч думает, что она может остановить, если кто-то серьезно решит войти внутрь. Ну-ну.

В щель на меня смотрит слезящийся подозрительный глаз в обрамлении миллиона морщин и складок.

— Добрый день, — говорю я немного нервно. Именно так должен звучать голос моего персонажа. Я пришел поговорить насчет дорогого артефакта. Я нищий, растерянный и испуганный. Думаю, мой визави видел таких индивидов бесчисленное количество раз. Я таких,

как он, тоже видел немало. Сколько себя помню, моя мама продавала на рынке дедушкины медали ради моего обучения в столице и закладывала все, что можно, чтобы выдать замуж сестру в той же столице... Были и покупатели, такие же, с таким же мерзким запахом... Сейчас я помнил их уже довольно смутно — все они (включая родительницу) остались в другой жизни, где был прежний я. Дрожащий и беспомощный. А от него во мне ничего не осталось.

Я смотрел на собеседника и понимал, что не чувствую к нему ничего. Ни злости, ни обиды, ни даже неприязни. Ни-че-го. Теперь для меня в нем главным было не мое прошлое, не мои воспоминания, страдания или ассоциации, а возможность осознать безграничность возможностей.

Как же хорошо у меня получается это суетливое заискивание в голосе, прямо слух ласкает. Такое искреннее.

— Я насчет той вещицы. Помните, я вам писал? Вы сказали подойти к...

— Аааа, — перебивает меня похожий на карканье голос. — Помню-помню, да.

Глаз окидывает меня подозрительным взглядом. Слегка прищуривается.

— Да-да, помню... Давайте обсудим... Я не привык пускать в дом чужих...

Нет, это в мои планы совсем не входит. Тебе придется открыть дверь, старик.

Я нерешительно сую руку в карман, а затем останавливаюсь, как будто пораженный сомнениями. Смотрю просящим взглядом на деда, поджимаю губы и часто моргаю. Видишь, плесневелый сморчок, до чего ты человека довел? Я сейчас разрыдаюсь.

— Прошу прощения, но, может, вы меня впустите? Все-таки вещь дорогая. Не хотелось бы вот так, на лестнице...

— Ладно-ладно, — снова перебивает морщинистый лепрекон. — Господи боже, какие все нежные стали. Заходите. Как вас зовут, замятовал? Э-э-э... Рома, кажется?

— Точно так.

Старик снимает цепочку и открывает дверь пошире. Я переступаю порог.

Вот и все. Сейчас я получу окончательный ответ.

ГЛАВА 2

— Петя! Петя!

— Да, пап. — Зигунов ответил без особого удовольствия, но с ощутимыми нотками усталого терпения, как говорят с тупыми детьми или спивающимися родителями.

— Петя, ты не занят?

Зигунов посмотрел на труп, потом на второй. Над мальчишкой, словно пытаясь оживить его искусственным дыханием изо рта в рот, склонился судмедэксперт.

— Ну так... Что там, говори.

— Петя... Ну чего суетишься, опять Катя, что ли, нервы мотает?.. Я это... — Отец долго шуршал в трубке. Все уже было очевидно, но пару минут придется потерпеть. — Стихотворение хотел тебе почитать. Из моей милицейской практики. И тебе тоже полезно будет. Называется «Засада». Я тут разбирал на даче-то со скуки и нашел...

Петр отодвинул телефон от уха, сжал его в ладони и подбородком показал на маленький свер-

ток, который судмедэксперт осторожно извлек из крепко сжатого кулака первого убитого, сухонького старичка с наполовину снесенным черепом.

— ...Да... Засада, — продолжал отец, шурша своими рукописями. — Это я ж на самом деле в 1974 -м сидел в засаде, как сейчас помню... А уж Куничкин помер вот, старлей тогда был... В общем, «Засада». Четвертый час утра, мы ждем в засаде зверя...

Петр опять отодвинул телефон от уха (тем более что стихотворение «Засада» он слышал от отца уже раз тридцать) и еще раз внимательно осмотрел место происшествия. Это была просторная двухкомнатная квартира в новой монолитной многоэтажке в центре города.

Первый убитый лежал на спине в прихожей. Это был старик лет шестидесяти пяти, в синем спортивном костюме, тапочках на босу ногу и белой футболке.

Судмедэксперт бормотал, выковыривая бумажку:

— Смерть наступила приблизительно восемь часов назад, удар нанесен рубящим предметом, предположительно топором. Скошенность края, плоские разрубы свидетельствуют о большом угле наклона при внедрении оружия. Убийца нанес удар правой рукой... Да что он там держит?

— ...Советских граждан сон! — закончил отец и сразу же продолжил: — Хорошее стихотворение!

А ты как, Петя, пишешь? У тебя же такие хорошие рассказы были...

— Пишу, пап, пишу, — ответил Зигунов, кивая следователю Следственного комитета, который вел протокол осмотра места происшествия.

— А то я ходил недавно в журнал наш, ну «Сура», и...

— Пап, извини, не могу уже. Давай вечером расскажешь. Гуляй, дыши свежим воздухом и не пей! Все, пока.

...Петр пихнул телефон в карман и нетерпеливо повернулся к судмедэксперту:

— Ну? Что там у него?

В ответ медик посмотрел на него снизу вверх и протянул следователю на голубоватой резиновой ладони маленький бумажный сверток, перетянутый коричневой бечевкой.

— Вот, посмотрите.

— Понятые, внимание! — гаркнул следак.

— Еле пальцы разжал. Как-то он прямо кулак сжал во время смерти и подкоченел.

Комитетский следователь, которому выпала радость вести это дело, Егор Владимирович Клименков, лысеющий рыжий крепыш, напоминавший Петру ирландского лепреккона, волей судьбы выросшего в лесу под Брянском, осторожно взял сверток и взвесил его на ладони — тяжеленький. Бумага обычная, белая, от офисного принтера, бе-

чевка уколола руку. Такой в полузабытом детстве перетягивали посылки перед Новым годом.

Потом протянул Зигунову.

— Развязывай, уже офоткали...

Судмедэксперт аккуратно присел рядом с телом, стараясь не попасть на потемневшие от крови участки ковра, гримасничая, поправил очки и с интересом уставился на оперативника.

Зигунов положил сверток на пыльное фортепьяно и внимательно посмотрел на узел — полуразвязанный. Он медленно потянул за второй конец бечевки, потом, не дыша, раскрыл пальцами бумагу.

Обычный камень.

Внутри лежал камень. Зигунов придирчиво осмотрел его, попробовал пальцем в перчатке серую шершавую поверхность. Обычный кусок дорожного гравия, ничем не примечательный. Тут, рядом с домом, как раз рассыпана куча. Какая-то чушь. Он еще раз взгляделся в тусклые серые гани. На бумаге не было никаких записей и пометок.

Как поведал медик, в руке Семена Марковича Красовского, директора городского отделения микрокредитных контор «Деньгомиг», был зажат камень в бумажке, и он так его и не выпустил, даже получив два удара по голове. И все это имело бы смысл, если бы речь шла о ковбойском фильме, где герои в мохнатых шубах умирают, не выпустив из кулака самородки, но на убитом был спортивный

костюм модели «Олимпиада-80», а орудием убийства был совсем не «смит-энд-вессон», а нечто куда более похожее на томагавк.

Судмедэксперт, кряхтя и охая, поднялся с пола и заглянул Зигунову через плечо.

— Да уж... Стоило так цепляться. — Он прокашлялся. — Теперь по поводу трупов, если вкратце...

Он подцепил Зигунова и Клименкова за локоть и, уже привычным движением переступив тело, вывел из прихожей в комнату — подальше от понятых, которые явно заскучали сидеть на табуретках с недовольным, нахохленным оперативником и теперь вытягивали шеи что есть сил, пытаясь разглядеть что-нибудь через стекло межкомнатной двери.

— Мои предположения таковы. Первый удар старику нанесли со спины, причем, судя по углу наклона, перед этим жертва сильно нагнула голову. Наверное, повернулся к лампочке, посмотреть на этот сверток, тут убийца и нанес удар в область затылка, примерно так. — Медик расставил ноги и махнул в воздухе резиновым кулаком. — Удар был такой силы, что жертву развернуло, и второй удар — смертельный, раскроивший височную кость, — она получила уже лежа на полу.

Петр молча кивал головой, задумчиво глядя туда, куда тыкал резиновым пальцем судмедэксперт, но все равно не мог избавиться от навяз-

чивой картины — лопнувший от спелости гранат на азербайджанском рынке, куда ходил в детстве с отцом, и жирные черные мухи, которые ползают внутри...

— И второй труп... Ох. — Медик потер толстую переносицу рукавом халата и затараторил, стараясь побыстрее выдать информацию: — Молодой мужчина, подросток, если быть более точным, предположительно шестнадцати лет, полного телосложения, множественные ранения области головы, шеи и правой руки. Нанесены тем же оружием... Это тоже предположение, скажем точно после вскрытия... — Продолжая говорить, он извлек из кармана пачку сигарет и ловко выстрелил одну из них себе в рот, но, встретив неодобрительный взгляд Зигунова, нахмурился и не стал закуривать. — Ох... Как я уже говорил — почти наверняка топором. Скорее всего, это был туристический топорик или что-то вроде, не слишком большое, но тяжелое.

— Томагавк? — зачем-то спросил Зигунов.

— Что? А, ну да, что-то вроде томагавка. Но скорее что-то с более широким лезвием. Что еще сказать... Убийца — сильный физически, удар нанесен справа, наверное, это пока все. Остальное будет в заключении, сам понимаешь, пока секционная, экспертиза, то да се — это несколько дней... — Сигарета, словно у фокусника, снова возникла у него во рту, и, чиркая на ходу зажигалкой, он напра-